
[ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ]

1877

1

Восток вторгается на Запад.

Гностицизм. — Ереси.

Раньше начинали с Фалеса.

Каков основной или материальный принцип физического мира?

Индия — Китай — Персия — Египет.

Западная Азия. Халдея. Финикия. Сирия. Малая Азия. Палестина.

Народы Севера. — Славяне. Скифы. Кельты. Азгард и германцы.

Античность. Бурже. — Арболес.

Как это вернулось в Индию?

Прошлый век. — Анкетиль Дюперрон.

Вольсей, Саси; Сирия.

Шампольон — Египет.

Рамаяна — ее природа.

Индия включает в себя Гималаи, Инд, океан и Ганг.

Философию Индии можно разделить на три периода: теологическо-философский;

философские системы;

буддизм и секты.

Источники. —

Веды ¹.

Законы Ману ².

Пурапы ³.

Рамаяна. Махабхарата ⁴.

Брахма. — Высший закон.

Философия — это познание причин всех видов бытия, их различий, аналогий и связей.

История — это познание того, каким образом эти причины развивались.

Доктрины Востока то в чистом виде, то в сочетании с греческими, то в сочетании с христианскими вторгаются на Запад.

Я могу написать две книги: одну, из которой будет видно, что я знаю, о чем писали другие, — удовольствие, никому не нужное, и особенно для меня.

И другую, в которой я буду изучать себя через самого себя: удовольствие оригинальное и самостоятельное.

Мое искупление через меня, которое понравится тем, кто захочет искупления.

Я, следовательно, оставляю в стороне то, что знаю, и вхожу в мое бытие.

Что мы такое? Чем мы были? Чем мы можем быть?

Азгард⁵

Иодах и Скандах; Кшатрии Гимарата; отбирают у нас мед из наших ульев, плоды наших деревьев, наших девушек; возьмем солнечный город.

От Скандаха — Скандинавия.

Веды — Эдды⁶.

Фалес.

Дюгетиль.

Рамаяна.

2

Наблюдаемая природа — единственный философский источник.

Человек — наблюдатель, единственный носитель философии.

Но есть два вида бытия: один вид, который можно потрогать, и другой, который потрогать нельзя. Я могу выделить породы, составляющие гору, и выставить их в музей; но я не могу выделить элементы, которые посто-

янно составляли, составляют и, возможно, вечно будут составлять мое мышление и чувство.

То, что можно потрогать, называется осязаемым, а то, что можно проверить зрением, — видимым. То, что нельзя ни потрогать, ни увидеть, невидимо и неосязаемо.

Таким образом, в нас самих имеется часть осязаемой природы, как рука, и часть неосязаемой, как симпатия.

Изучение осязаемого мира называется физикой; а изучение неосязаемого мира — метафизикой.

Чрезмерная приверженность первой школы к физике называется материализмом; чрезмерная приверженность второй школы к неосязаемому известна под названием спиритуализма, хотя его и не следует так называть.

Все философские школы можно свести к этим двум. Аристотель дал научное средство, которое уже дважды на протяжении великой истории мира так сильно возвысило физическую школу. У Платона и божественного Иисуса была чистейшая душа и вера в потустороннюю жизнь, которые делают столь поэтической и долговечной метафизическую школу.

Обе школы вместе составляют истину; каждая же школа в отдельности — только часть истины, которая погибает, если ей не помогает другая школа. Нет необходимости выдумывать бога, раз его можно доказать. При помощи науки приходят к богу. Бог не как человек-созидатель, а как безбрежное море духа, в котором в конечном итоге должны смешаться — уже решенные — все виды высокомерного несогласия людей. Это, вероятно, может утверждать Поэзия, которая интуитивна, но с этим утверждением не должна спешить философия, которая экспериментальна.

Бог невидим; суждения людей противоречивы; природа же постоянна и величественна; нельзя ни привести доказательство существования бога, ни установить существование его; к суждениям людей прибегать неблагоприятно, ибо суждения существуют в силу того, что стремятся уничтожить друг друга; приблизимся же к великой матери-природе; откроем великую книгу, страницы которой написаны веками, действия и факты которой — океаны, величественное познание которой теряется в неосязаемом и невидимом.

Сколько мира есть еще за миром воздуха, который я постиг! — жаловался на нашу мелкость мир аэростатов.

Повторяем для ясности: одна часть природы осязаема и, следовательно, материальна; философия, которая изучает эту часть, называется физической философией. Другая часть нематериальна, она трактует о том, что обычно либо с целью опровержения, либо с целью признания этого называется духом. Философия, которая изучает эту часть, называется метафизикой.

Должны ли законы реального и осязаемого мира даваться интуицией индивидуума, существа антилогического?

Это неразумно, так как законы вещей должны выводиться из наблюдения над вещами; метафизика же законы природы приписывает интуиции, и именно в этом и заключается ее ошибка.

Должны ли высокие побуждения неосязаемого и необыкновенного человеческого духа, отличающегося своей высокой сущностью от всего того, что его окружает, подчиняться мелким причинам, действие которых не доказано?

Это также неразумно, ибо гипотеза относительно духовного не поддается научной проверке; именно в этом и заключается ошибка физической школы, которая в своих крайностях дошла до отрицания всякого духовного явления.

Мы утверждаем: чтобы знать, нужно исследовать; самым вероятным источником истины является наше собственное исследование; исследование — верное средство для того, чтобы знать, как применить нашу способность к познаваемой вещи; наблюдение и осмысление того, что наблюдалось: рефлексия.

Таким образом, в философии есть субъект, который познает и, будучи взятым отдельно, порождает немецкую субъективную философию; познаваемый объект, будучи взятым отдельно, порождает современную натуралистическую философию; средства познания.

Из этого делается вывод, что философия должна изучать человека, который наблюдает, средства, которыми он наблюдает, и то, что он наблюдает: философия внутренняя, философия внешняя и философия отношений.

Философия — это наука о причинах.

Познавать возможные причины и использовать смелые и правильные средства для исследования неизвестных причин — это и значит быть философом. Постоянно думать с помощью элементов науки, рожденных из наблюдения, обо всем, что попадает в сферу нашего разума, и о причине всего этого — в этом и состоят элементы, нужные для того, чтобы быть философом. Следовательно, эти элементы суть наблюдение и размышление.

Любой другой элемент помогает проверять, но не является твердой основой философии. Мы не должны утверждать то, чего не можем доказать. Интуиция — это помощь, часто большая, но она не является научным и несомненным путем, ведущим к познанию.

Я бы не утверждал, что я должен существовать в более высокой форме, чем существую, если бы во мне не было практических доводов для доказательства этого.

Практический довод означает не материальный, а экспериментальный довод.

Я не утверждал бы о наличии постоянной и гармоничной связи духа и тела, если бы я сам не был подтверждением ее.

Я не утверждал бы, что в случае необходимости применения силы моральные стимулы — воля, достоинство, патриотическая гордость, воспитание — выше средств материальных, силы, привычки, мускулатуры, если бы я не был живым примером этой истины.

Мы невольно стремимся к тому, чтобы дать себе отчет во всем. Одни, обладающие спокойным умом, следуют за импульсом других. Другие же, обладающие мятежным умом, исследуют импульс других и стремятся применить свой собственный. Ришелье говорил о Корнеле, что у него не было *esprit de suite* [последовательности]. Ни один великий человек, достойный бога, не имеет ее.

Мы не можем познать причины вещей в них самих. Причины не раскрываются нам непосредственно. Всегда перед нами находится результат акта творения, а в нас всегда живет желание познать, как это творение осуществлялось. У кого мы можем об этом спросить?

У бога? Ох, он не отвечает, потому что нас научили верить в бога, который не является настоящим. Настоя-

щий вменяет в обязанность труд как средство достижения досуга, исследование как средство достижения истины, честность как средство достижения целомудрия. Как радостно умирает мученик! С каким удовлетворением живет ученый! Он выполняет свой долг, а это, если и не является целью, представляет собой средство.

У кого мы спросим? У веры? Ох, ее недостаточно. Во имя веры много лгали. Должно верить в высшее бытие согласно нашим высоким внутренним волнениям — в неизмеримую творческую силу, которая утешает; в любовь, которая спасает и соединяет; в жизнь, которая начинается со смерти.

Всего этого требует внутренний естественный голос, первый голос, который слышали первобытные народы и который слышит человек любой эпохи. Но вера мистическая, вера в космическое слово брахманов, в необыкновенное слово магов, в традиционное, метафизическое и неподвижное слово священнослужителей, вера, которая вопреки движению Земли говорит, что она движется иначе; вера, которая за то, что утверждает механик из Валенсии, заковывает его в кандалы и ослепляет его; вера, которая осуждает как колдунов маркиза де Вильена, Бэкона и Галилея; вера, которая сначала отрицает то, что потом бывает вынуждена признать, — эта вера не средство достижения истины, а средство, затемняющее ее и препятствующее открытию ее; эта вера не помогает человеку, а мешает ему; она не отвечает ему, а показывает его; она не удовлетворяет, а раздражает его. У свободных людей уже другая вера. Их вера — вечное знание. А средство ее — доказательство.

С этой научной верой можно быть отличным христианином, любящим деистом, совершенным спиритуалистом. Чтобы верить в небо, в котором нуждается наша душа, нет необходимости верить в ад, который наш разум отвергает.

Итак, у кого же мы будем спрашивать? У природы. Светящиеся тела находятся на небе; темные тела — на земле. Постоянное беспокойство, не имеющее ни веса, ни цвета, ни формы, яркое, как свет, — в мышлении каждого человека. Кто или что движет звезды? Кто или что создало землю? Кто такой или что такое это любопытное,

неугомонное, меланхоличное и мятежное существо, которое сидит в нас самих?

Спрашивать у книг? Одна школа говорит нам, что движения души — это нервные движения, но так как эта школа не говорит нам, в каком нерве помещается честь мужчин, целомудрие женщин, материнская любовь, любовь к родине, мы отвергаем из-за отсутствия доказательств эту философию, которая не смогла доказать то, что она утверждает. Другая школа говорит нам, что дух — господин тела, но так как мы своими глазами видим, что хотя и правда, что страдание, будучи явлением духовным, иногда вредит телу, но правда также и то, что яд, физическая боль, злоба иногда расстраивают рассудок, мы отвергаем эту вторую школу, как и первую, за то, что она претендует на исключительность, за то, что она теоретизирующая и претенциозная.

Поскольку исследования других приводят нас к этой путанице, что же мы должны делать, чтобы знать? Исходя из нашего собственного критерия, мы должны изучить исследование, которое было осуществлено другими, или, что более надежно, самим провести исследование.

Нельзя видеть вещь, не глядя на нее. Нельзя понять вещь, не исследуя ее. Исследование — глаз разума.

Следовательно, мы сами являемся первым средством познания вещей, естественным средством исследования, естественным философским средством.

Что такое природа? Дикорастущая сосна, старый дуб, бурное море, реки, текущие к морю, как к вечности идем мы, люди; природа — это луч света, пробивающийся сквозь тучи и превращающийся в раду; это человеческий разум, который, приближаясь и поднимаясь на крыльях души, восходит к блаженству. Природа — это все, что существует в любой форме, в любом виде духа и тела; водные потоки — рабы своего русла; корни — рабы земли; ноги — рабы, как и корни; души — рабы в меньшей степени, чем ноги. Тайственный внутренний мир, чудесный внешний мир, такой, какой он есть — безобразный, блестящий или мрачный, близкий или далекий, огромный или чахлый, водный или земной, весь упорядоченный, весь измеренный, за исключением неба и душ людей, — это и есть природа.

Хорош тот философский метод, который, анализируя человека, берет его во всех проявлениях его бытия и при наблюдении не оставляет в стороне как нечто второстепенное и такое, чем можно пренебречь, то, что в силу своей, быть может, неясной и сложной первоначальной сущности не легко поддается наблюдению.

Для всех этих построенных на песке систем, по форме строгих и окаменевших, а по существу несовершенных, изучающих внешние явления, характерны научная слабость, философская ницета, заслуживающая порицания анемия, на которую они сами себя обрекли.

Человек должен понимать философию не как холодное зеркало, отражающее проходящие перед ним образы, а как одушевленное лоно, в котором эти образы трепещут, как непосредственный и наличный объект, как возможное приспособление реального, которое душа хранит как предшествующий, последующий и вечный идеал; этому жизненному объекту посвящаются все эти реалистические цели.

Но, выполнив эту цель, человек еще сохраняет страстные стремления, которые, как будто им удалось сломать прочную решетку, проявляются в последней улыбке умеющих умирать с достоинством. О, как прекрасно! — по видимому, говорят себе те, кто умирает с достоинством. И в последний час надо плакать от боли за любимых, которые остаются, от огромного счастья, доставляемого свободой, которой тот, кто умирает, начинает, быть может, наслаждаться.

Критическое исследование — это соединение внимания и критерия. Это правильно, потому что так писала не французская критика, а немецкая; не критика Сент-Бёва, а критика Краузе, Фихте; не выставление напоказ того, кто порицает без объективного и аналитического изучения произведения, автора которого, так же как нашу симпатию, мы оставляем в стороне. Критика не порицание; даже в своем формальном значении, в этимологии, она является просто применением критерия.

Только ленивые люди, только боязливые умы говорят, что такого рода знания, которые можно было бы также назвать отшлифовкой и отделкой разума, не подходят нарождающимся народам.

Это, говорят, не снадобье и не продается; это, следовательно, не есть нечто полезное, как аптека; это не трава и не лечит; это, следовательно, не есть нечто полезное, как медицина; это не закон и не произносится по-латыни, время Альфонса Мудрого⁷ неприменимо к народам Боливара⁸; это, следовательно, не есть нечто полезное, как наше право. Значит, эта жажда культуры, этот интерес к новому, эта скорбь по поводу незнания того, что знают другие, которая часто заставляла меня проливать горькие слезы, это стремление познать самого себя, эта полнота и блеск разума, которые достигаются благодаря культуре образования, — весь этот, правда, невидимый, по созидательный мир считается бесполезным и даже вредным для тех самых людей, первым символом веры которых является невидимость творца! Они отрицают бога, в которого они веруют, поскольку он им бесполезен!

Нет, не живешь вообще, а живешь лучше, узнаешь больше, действуешь энергичнее, получаешь большее наслаждение в любви, в отцовстве, в труде, по мере того как все больше осознаешь все эти возвышенные стороны жизни. Частое появление великих людей порождает непреодолимое желание подражать им. Если не видеть их вблизи и не подозревать об их существовании, то как может зародиться в душе движение, которое одно только и побуждает подражать им? При изучении жизни великих людей не только возникает это смутное желание, причем было бы пагубно сразу же не найти средства для его удовлетворения; при изучении их жизни можно увидеть, чего они достигли и как они этого достигли. Таким образом, они были хозяевами своих собственных крыльев.

5

...Его субъективная... при возрождении греческого принципа, состоящего в том, что все существующее поддается исследованию. Затем Кондильяк, философ ощущений.

Европеисты, — сомнение. —

Кант. — Платоновский идеалист. — Посвятил себя разработке вопросов познания.

От него ведут свое начало две философии: субъективная философия Фихте; объективная и пессимистическая — Шопенгауэра.

Фихте изучает человека в себе, как субъект всего того, о чем он думает и что остается в нем.

Шеллинг рассматривает человека как нечто аналогичное тому, что его окружает, и смешивает субъект с объектом.

Великий Гегель связывает их, а еще более великий Краузе⁹ изучает их в субъекте, в объекте и в субъективной индивидуальной форме, в которой связь подводит изучающий субъект к изучаемому объекту. Я испытал большое удовольствие, когда обнаружил у Краузе эту промежуточную философию — секрет двух крайностей, которую я хотел назвать философией отношения.

Связи

Аристотель и Бэкон.

Декарт и Платон.

Метафизики и спиритуалисты.

Физики и материалисты.

Элейская школа и Дарвин.

Философский натурализм — Эмпедокл и Гераклит.

Мы, следовательно, не слушаем подражателей; а затем, устав от этой зрелости, снова станет господствовать чистая мораль, которая в другой морали будет представлять собой, как это было у Сократа, соединение духа и тела с той лишь разницей, что эта, сегодняшняя, более изученная, будет гибнуть более длительное время; точно так же, как гибель современного, более изученного Рима будет длиться дольше, чем гибель старого Рима.

6

Кант. — Платоновский идеалист — мечтал об универсальном гражданине. Разработка вопросов познания.

Фихте изучает субъект и задерживается на нем.

Шеллинг отождествляет его с объектом.

Гегель — и в этом его величие — устанавливает связь.

Краузе — и это еще более важно и более совершенно — изучает субъект, объект и то, как они соединяются, — связь.

Тиберген ¹⁰.

Философский натурализм — тот вид схоластики, который Абельяр создал как единственную форму свободы мышления в средние века и который стал впоследствии темницей и бичом свободной способности мышления.

Схоластика.

Подчинение философии теологии.

Союз философии и теологии.

Постепенное отделение.

7

Единственно, чем мне не удалось стать в философии, — это отчаявшимся как Леопарди, который был более искренним, чем те, кто либо в погоне за модой, либо по своему природному равнодушию и злобе подражает ему.

* *
*

Новость — позитивизм! Но ведь он был во всей философии, даже в самой древней, как здоровая реакция свободного разума человека на ложь и высокомерие служителей культа! Это постоянный метод в истории человека. Единственное, что изменяется и что с каждым своим появлением придает этому методу вид чего-то нового, — это большее знание, накопленное с течением времени.

8

Шопенгауэр.

«Страдание вечно» — Шопенгауэр.

Что вечно — это причина страдания. Страдание есть результат несоответствия между чувствующей природой — душой — и реальным существованием или же несоответствие между желаемым и достигнутым. Первый вид страдания — это страдание мыслителей и поэтов-сверхче-

ловеков. Второй вид — страдание людей. Первый вид страдания — страдание философское. Только его должно касаться мое исследование. Несоответствие это постоянное, но небеспрерывное. Познание самого себя не может дойти до того, чтобы лишить нас возможности познавать других.

Если мы страдаем из-за отсутствия соответствия между ранее предсказанным миром и действительным, пережитым миром, то неужели мы единственные, кто от этого страдает? Отношение между самими скорбящими уменьшает скорбь. Одиночество удручает нас, а когда мы находим брата по несчастью, мы уже не одиноки. Скорбь проходит, потому что моментально исчезает одна из ее причин: мы находим что-то из того, что мы ищем, и так как человек возвышенный, чувствительный и любящий всегда стремится сгустить краски, то он считает, что в той части, которую он нашел, он нашел все. *Благодаря воображению и экзальтации проходит скорбь — в этом и состоит удовольствие.*

Очень чистыми источниками удовольствия являются обе формы этого утешающего отношения: дружба и любовь.

9

Конт и Сленсер.

Совершенство органа не может быть бóльшим, чем того требует соответствие объекту, для которого он существует. В чем другом может орган быть совершенным? Правда, примитивная форма сердца представляет собой просто пульсирующий пузырь, расширение главной артерии; но эта примитивная форма сердца столь же совершенна, подходяща и полезна для животного, обладающего ею, сколь несовершенной, неподходящей и бесполезной была бы она для животного более сложного, которому требовался бы более сложный инструмент для кровообращения, или сколь несовершенной, неподходящей была бы форма этого более сложного инструмента для примитивного животного.

Если духовное развитие зависит от тела, то нужно доказать, что в соответствии с тем, как развивается тело, развивается и дух.

Зрение мне ни к чему, если нет объяснения того, что я вижу, если мое сознание не превращает видение в элемент суждения. Объект находится вне меня; но понимание объекта находится во мне. Я связан с ним. Познание порядка этой связи в том, что касается человека, и есть философия.

К этому сводится все философское исследование: Я, не-Я и как Я связано с не-Я — вот все три объекта философии. А в Я — то, что есть собственно индивидуальное и что приобретено и привнесено.

Несовершенство этого существования проявляется в том, что в нем имеется лишь несколько моментов абсолютного счастья, чистого счастья, каковыми являются моменты полного бескорыстия, моменты слияния человека с природой. (Эмерсон ¹¹. Вечер у Эмерсона: когда человек теряет чувство самого себя и растворяется в мире.)

Спенсер — подумаешь, новость! А Эйхгорн? ¹²

А Броттенек?

10

Нужно посмотреть, развиваются ли дух и тело одновременно; есть ли, например, между материнской любовью курицы и материнской любовью женщины разница, соответствующая физической разнице между строением тела курицы и женщины.

* *
*

Искреннее смирение перед несчастьем порождает ту же внутреннюю красоту и величие, то же спокойствие и «спокойный дух», которые у католиков порождает «повиновение воле божьей». Спокойствие состоит не в том, чтобы верить, что именно бог посылает нам наказание и знает, для чего он это делает, и что это, мол, для нашего блага, а в том, чтобы переносить это наказание достойно, даже если мы и не видим, каким оно может быть для нас благом. В тысячу раз большая заслуга в философском смирении, чем в смирении христианском.

А почему бывшему миру не быть таким, каким его описал Эмерсон в одном месте: «The worlds is mind precipitated» [«Мир — это устремленный разум»], а в другом месте как бы для того, чтобы доказать, что он не видит противоречия между тем, что мир — это дух, а дух принимает постепенно усложняющиеся и возрастающие формы, он писал: «Mounts and striving to be man the worm through all the spires of form» [«Червь проходит через все изменения формы в своем стремлении стать человеком»].